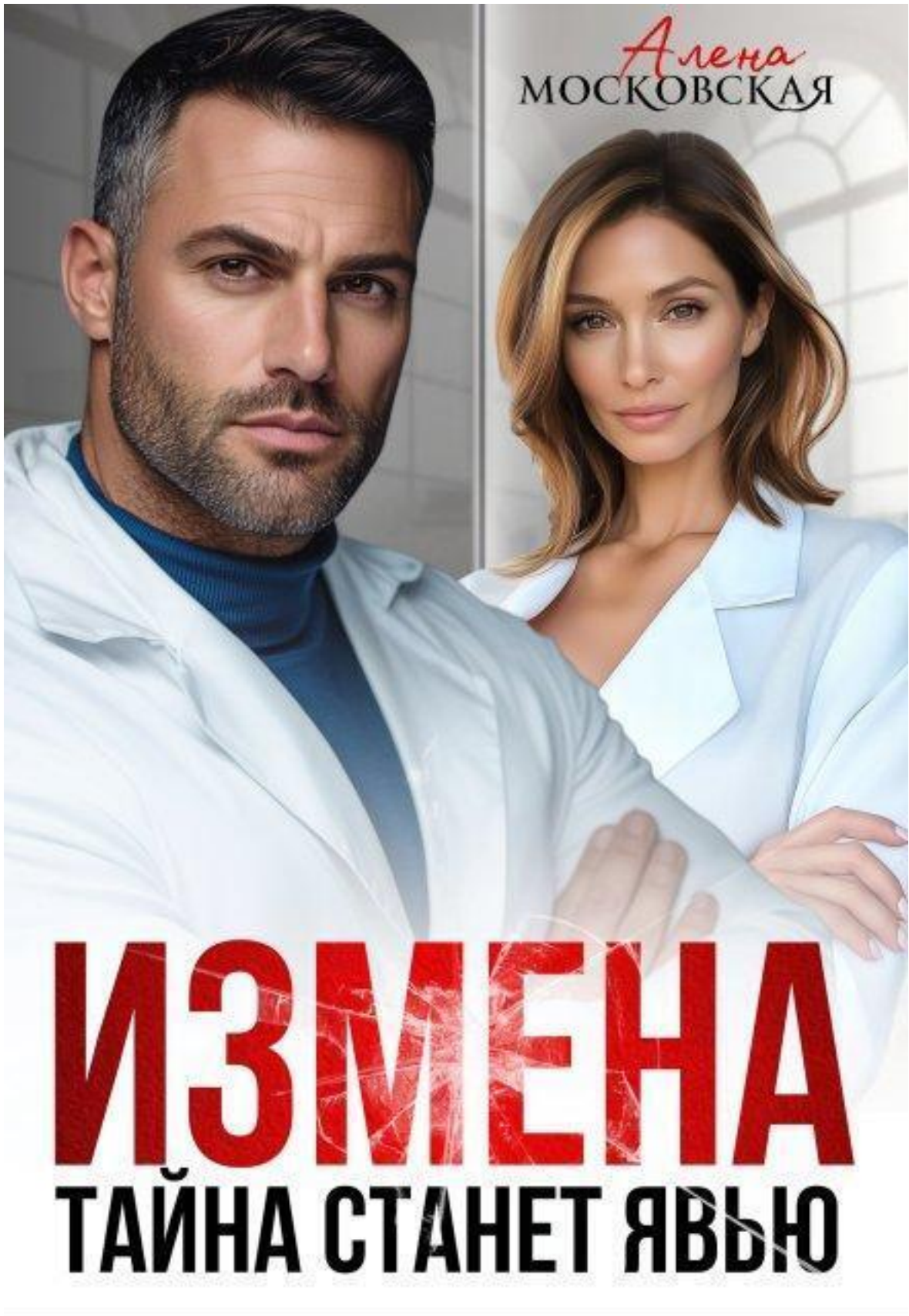

Алена
МОСКОВСКАЯ

ИЗМЕНА

ТАЙНА СТАНЕТ ЯВЬЮ

Алена Московская

Измена. Тайна станет явью

«Литнет»

2025

Московская А.

Измена. Тайна станет явью / А. Московская — «Литнет», 2025

НОВИНКА: «РАЗВОД ПО РЕЦЕПТУ» - – Мама, я не знаю как тебе сказать, – голос дочери по ту сторону трубки сменился с шепота на крик, – я сейчас видела папу с другой. Мам, мам, я не ошиблась. И тишина. Я замерла, сжимая пальцами телефон и пару раз моргнула. Что-то обломилось внутри. – Где ты видела? – едва слышно произнесла я. – Дома. В вашей спальне. Я стояла за дверью. Я слышала, как он шептал её имя, мам. С одного телефонного звонка изменилась моя жизнь. Моя дочь уличила нашего любимого папу в измене и больше доказательств мне не нужно. Двадцать лет брака разрушены окончательно и бесповоротно. Двадцать лет рука об руку, скальпель к скальпелю. А теперь он острием этого лезвия разрезал мое сердце. Он не просто предал меня. Он предал нашу семью, нашу клинику, которую мы так долго выстраивали кирпичик за кирпичиком и теперь он за это ответит. ♥#ХЭ

© Московская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Визуализация героев	22
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Визуализация 2	36
Глава 10	37
Глава 11	41
Глава 12	44
От автора	46
Глава 13	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Глава 1

Виктория

Обручальное кольцо — символ любви или ловушка для наивных? Что скажете?

Мы так гордо носим их, будто это броня.

А в итоге — лишь тонкий металл против тяжелой правды.

Но сколько в нём заложено. Обещаний. Иллюзий. Надежды на то, что всегда будет «мы», а не «я» и «ты».

Иногда я ловлю себя на мысли, что машинально проверяю, на месте ли оно?

Как будто это не кольцо, а маяк: если оно на пальце, значит, все еще стабильно, всё ещё в пределах нормы.

И наша семья не рухнет по кирпичикам, не трещит по швам.

Как бы грустно не звучало, мы, женщины, умеем обманывать себя с особым мастерством.

У нас хватит фантазии, чтобы прикрыть трещины шторами, зашить ими швы по живому.

Лишь бы не видеть.

Лишь бы сохранить этот уютный мираж, что всё хорошо.

Только одно факт - это мираж.

Я тоже прикрывалась, до последнего. Но больше моих сил уже нет. Хватит предательству окружать меня.

Хватит мне носить розовые очки, от которых нет проку, ведь это все фальшь... ложь, брак...

Слово «брак».

Удивительно, как оно может звучать гордо и красиво в одном контексте — и как будто испорчено, с привкусом поломки — в другом.

У нас хороший брак, — я говорила это без тени сомнения. С гордостью на протяжении скольких там... лет?

Мы были одной из тех пар, про которые говорят «идеальные».

Оба врачи. Клиника, успех, взрослая дочь и уверенность в том, что мы справились. Что теперь можно просто жить. Для себя. Для нас.

Восполнять то, чего так не хватило, пока мы были студентами с маленьким ребенком на руках.

Но идеалы часто рушатся и не из-за громких взрывов.

А из-за одного едва слышного звука.

Такого, как звук входящего сообщения.

Он оставил телефон на столе, как всегда. Пошёл в душ.

Я стояла у раковины, перебирала зелень для салата.

Щёлк.

Экран загорелся.

Сообщение.

Алина: "Всё на завтра в силе?"

Ничего подозрительного.

Не «люблю», не «скучаю», не «жду». Просто вопрос.

Обычный, казалось бы, самый банальный.

Но что-то внутри меня, на грани слышимости, зазвенело тонкой струной.

Не слово — интонация. Не смысл — предчувствие.

И я замерла.

Это не ревность. Это интуиция.

Та, которая редко ошибается, если ты женщина, мать, жена и носишь это кольцо не как украшение, а как символ, наделенный особым смыслом.

Салат так и остался недоделанным.

А я стояла и смотрела на экран, который уже погас.

И впервые за много лет почувствовала...страх.

Страх, что всё может рухнуть. Не громко. Не внезапно.

А тихо. От одного щелчка.

Я промолчала.

Он вышел из душа, обнял меня за талию, поцеловал — всё было как всегда. Даже чуть нежнее, чем обычно.

И я... улыбнулась в ответ.

Слишком легко притвориться, что «всё нормально».

Мы, женщины, умеем это делать без репетиций.

Особенно когда не готовы узнать правду.

Или опять же, верим в мираж.

Я ещё несколько минут прокручивала в голове это сообщение.

Сейчас только понимаю, что с этого-то сообщения все и началось. Вот с этого “Бряк” наш брак крахом и пошла.

“Всё на завтра в силе?”

Бряк.

Алина.

Имя в его записной вроде бы ничего не значило. Ни холодное, ни интимное. Просто имя.

Может, пациентка. У него их сотни.

Может, новая ассистентка. Или представитель фирмы, которая поставляет имплантаты.

Может.

Может.

Может...

Но почему тогда у меня всё внутри так сжалось?

“Бряк.”

Я вдруг осознала: он давно ничего мне не рассказывает.

Ни о пациентах, ни о себе.

Раньше он всем делился. Даже то, о чём можно было не говорить. Я была в курсе всех его планов, переживаний, внутренних взлетов и падений.

А теперь?

Мы всё ещё разговариваем. Но разговоры стали пустыми, как автоматические ответы на звонки.

— *Как прошёл день?*

— *Нормально. У тебя?*

— *Тоже.*

И всё.

Без нюансов. Без эмоций. Без запаха жизни.

Я не помню, когда он в последний раз рассказывал, что его трогает. Не в профессиональном смысле, а по-настоящему.

Что злит, что вдохновляет, что обижает, что волнует?

Может, со временем у всех так? Может, брак — это постепенное угасание?

Хотя у нас итак прошло не мало лет.

Или мы просто стали жить каждый в своей голове, под одной крышей?

Я поняла, что не помню, когда в последний раз он смотрел на меня долго.

Не «между делом», не вежливо-устало, а по-настоящему.

Когда мы в последний раз смеялись до слёз?
Когда он интересовался не тем, как я себя чувствую, а что я чувствую?
Может, это просто усталость. Мы оба выгорели. Столько лет под давлением, пациенты, суды, конференции, бессонные ночи.
Может, дело не в нём, а в нас.
Мы просто стали жить рядом. Как партнёры по делу. По быту. По дочери.
Но в такие моменты не думаешь здраво.
Сомнение — оно словно соринка в глазу: маленькая, а мешает видеть всё остальное.
Я вымыла руки.
Потом вытерла их насухо — до скрипа.
Сжала кольцо в пальцах.
И впервые за много лет подумала:
А вдруг это все же просто кусок металла? А не гарантия.
Мы легли спать.
Он потянулся к выключателю.
— Спокойной ночи, — сказал он тихо, полупшепотом.
— Спокойной, — ответила я, не открывая глаз.
И вдруг — снова короткая вибрация.
Телефон, лежащий на его тумбочке, осветил комнату тусклым голубым светом.
Я мельком взглянула — как будто случайно.
Имя на экране.
Алина.
Пишет... ночью.
Я повернулась к Пете медленно, как будто сонная.
— Кто это пишет тебе в такое время?
Он замер. Всего на секунду, но я это почувствовала как он напрягся.
А потом легко и как будто заранее придумано, ответил:
— Это водитель. Попросил завтра выходной. Видимо, форс-мажор.
Он сказал это, не глядя на меня.
Затем снова положил телефон экраном вниз.
Я кивнула.
— Понятно.
И в этот момент я уже точно знала:
Он мне врёт.
Без колебаний. Легко. Не суетясь.
А значит, делает это не в первый раз.
Я закрыла глаза, медленно выдохнула.
Но внутри меня всё сжалось.
Впервые за много лет я почувствовала, как между нами выросла невидимая стена. Ледяная. Без щелей.
И, что страшнее всего, ему было в ней удобно.
А у меня нет никаких доказательств.
Может Алина - это аккаунт жены водителя или что-то еще. Уточняла в силе ли выходной?
А я буду раздувать из мухи слона, как ревнивая малолетка?
А может это она и есть, та самая малолетка, на которую он решил променять привычную и надежную жену?
Так и лежала, глядя в потолок, и думала: может, я преувеличиваю? Может, всё можно объяснить? Может, ещё не поздно?
В тот момент я ещё пыталась верить.

Ещё искала оправдания.

Ещё не знала...

И не подозревала, насколько сильно и скоро изменится наша жизнь.

Насколько чужим окажется человек, которого я считала родным последние двадцать лет.

Глава 2

Виктория

Я не спала почти всю ночь.

Лежала, уставившись в потолок, и слушала, как он дышит рядом, как сопит.

Как будто в этом доме никто не лжёт.

Как будто сообщение с незнакомым именем не разделило мою жизнь пополам.

Чай, вино, подушка, телевизор — ничего не помогало. В груди жгло.

Я даже пыталась убедить себя, что всё это — паранойя, усталость, гормоны, сезонная тревожность.

Но врать самой себе — это уже слишком.

Я не выдержала.

Хотя сегодня был мой выходной, я с самого утра заехала в клинику.

Сказала себе, что просто нужно чем-то заняться. Проверить документы, просмотреть записи. Что-нибудь. Что угодно, лишь бы не сойти с ума в четырех стенах.

Когда я вошла, на рецепции удивились.

— Виктория Павловна? А вы сегодня работаете?

— Нет. Просто... я не проверила пару отчётов. Быстро.

Поднялась на второй этаж. Мимо ординаторской, кабинета отца, коридора, ведущего к операционным.

Подойдя к кабинету Пети, я остановилась.

Дверь была слегка приоткрыта.

Изнутри доносился его голос. Выверенный и убедительный.

— Не волнуйся, всё будет хорошо.

Пауза.

— Я всё держу под контролем, слышишь? Всё спокойно. Просто будь рядом.

И тише, почти ласково:

— Алина...

Я замерла.

Всё встало на свои места.

Щелчок.

“Бряк.”

Это она. Не пациентка, не ассистентка, не случайность.

Это та самая Алина.

Имя прозвучало беспристрастно. Будто привычно. Слишком привычно.

Я застыла как вкопанная.

Сердце ударило так, как будто кто-то пнул меня изнутри кулаком.

Мир не рухнул. Не сгорел.

Его просто перекосило. Как Пизанскую башню.

Я стояла за дверью, а в моей голове словно открылась иная дверца, за которой скрывалась та самая гадкая правда.

Та, которую я не хотела замечать.

Пальцы стиснули ручку, но я не могла ни войти, ни уйти.

Мне вдруг стало очень холодно, словно кто-то резко окунул меня в морозильную камеру. Душевную.

По моему телу пробежали мурашки. Те самые неприятные мурашки, которые мы испытывали в школе, когда учительница случайно проводила по доске ногтем вместо мела.

Я испытала стыд. Стыд перед собой.

Перед той собой, которая улыбалась ему за ужином, верила каждому слову, спала с ним рядом, не зная, что он говорит это другой.

Тем же голосом.

Я слышала, как она ему отвечает.

Голос напряжённый. Как у женщины, которая не на своём месте, но знает, что скоро это место станет ее.

А он...

Он слишком какой-то самоуверенный. Как человек... который...

Который живёт в двух мирах — и не боится, что они столкнутся.

Я стояла и чувствовала, как мне хочется закричать, ворваться внутрь, швырнуть на пол всё, что попадётся под руку.

Но вместо этого я просто оторопела.

Как будто снаружи я еще могла держаться.

А внутри уже начала рушиться.

И всё же я не ушла. Не убежала.

Я зашла.

Не потому, что хотела сцены. Скандалов, упреков и выяснения отношений.

А потому, что больше не могла не знать.

Я толкнула дверь, не постучав.

Он поднял глаза. Она — тоже. Молодая, ухоженная блондинка, с аккуратным макияжем и чуть наигранной нервозностью.

— О, Виктория... Вы здесь? — Петя тут же поднялся с кресла. — Я думал, у Вас сегодня выходной.

Я изобразила вежливую полуулыбку.

Снова театр, снова актриса и снова без репетиции.

— Я ненадолго. Мне нужно посмотреть наш договор с поставщиками имплантов— вы же помните, у меня во вторник встреча с представителями. Я подумала, может, вы оставили копию в кабинете.

Он мгновенно подхватил:

— Конечно. Сейчас поищем.

А потом повернулся к Алине:

— Это Виктория Павловна – один из ведущих специалистов в области пластической хирургии нашей клиники.

Я даже не сразу поняла, что именно он сказал, вернее не сказал.

Но когда до меня дошло, внутри что-то хрустнуло.

Как тонкий лёд под ногами.

Не «моя жена».

Не «мать моего ребенка»

Ни даже «мы работаем вместе, мы семья».

Просто имя и должность.

Просто специалист. Коллега. Функция.

Как будто я не прожила с ним двадцать лет.

Как будто у нас нет дочери.

Как будто я всего навсего часть интерьера этой клиники.

Лампа, стол или стационарный телефон, который тоже делает «Бряк.»

Я не подавала виду.

Привычка.

Выученная сдержанность.

Врач с непроницаемым лицом.

Но в груди поднялась такая боль, что я едва не выпрямилась сильнее, как будто только это могло помешать ей вырваться наружу.

— Алина готовится к пластике. Завтра у неё предоперационный осмотр. Сейчас мы консультируемся, подбираем форму, объём...

Алина.

Теперь не просто имя на экране. Теперь передо мной рисовалось ее лицо.

Губы, тонко очерченные карандашом. Аккуратный нос, слегка вздернутый — возможно, уже не родной.

Женщина, которая знает, на что претендует.

И, похоже, знает, что у неё это уже почти есть.

Я смотрела на нее и чувствовала, как что-то внутри меня по миллиметру ломается.

Не с треском. Нет. Это было тихо, как в вакууме.

Как будто моя грудная клетка наполняется чем-то противным.

Но я не подавала виду.

Я заглянула ей прямо в глаза, протянула руку и кивнула:

— Очень приятно.

Я старалась быть максимально сдержанной.

Потому что я — врач.

Потому что я — жена.

Потому что за годы брака я научилась быть достойной, даже когда внутри всё горит.

А внутри действительно разгорался пожар.

Алина подняла на меня взгляд.

На долю секунды — пауза. Очень короткая, почти незаметная. Но я заметила.

В ее глазах не было растерянности.

Не было смятения.

Легкое выжидание.

— И мне, — ответила она. Ее голос был таким же безмятежным, как и ее взгляд.

Она, на мое удивление, протянула руку.

Пальцы холодные, слегка влажные.

Быстрое, формальное пожатие.

Словно это было деловое знакомство.

Словно она изо всех сил старалась ничего не показать взглядом.

Но взгляд сказал.

Сказал, что она точно понимала, кто я.

И что ей некомфортно — не от стыда, а от того, что реальность слишком рано пересеклась с её частью уравнения.

И я тоже улыбнулась.

Как мне улыбались на десятках конференций, где за внешней вежливостью скрывались удары в спину.

Теперь я точно знала: эта женщина здесь не по ошибке.

И она не боится.

Пока.

— Я не помешала? — спросила я, глядя на мужа.

— Нет-нет. Мы уже заканчиваем. Правда, Алина?

— Да. Спасибо, Петр Андреевич, — она встала. — Тогда я вас не задерживаю.

Девушка прошла мимо меня, оставив за собой яркий шлейф парфюма и уверенности.

Я же стояла на месте, чувствуя, как гулко бьётся сердце в груди.

Алина выходила из комнаты даже не обернувшись, не удивившись. Просто вышла, стуча своими каблуками по кафелю.

Конечно.

Если он представил меня просто как врача, значит, она знала, что я не просто врач.

И знала, почему он так делает.

Он выбрал удобство.

Удобную роль для неё.

И молчание для меня.

Не унизил — нет. Это было бы слишком просто.

Он стер.

Стер из уравнения семьи.

Оставил в стороне, как нежелательную переменную, которая может испортить гладкое уравнение двойной жизни.

Он всё продумал.

Это не просто предательство тела.

Это предательство всего, что мы выстраивали долгие годы.

Теперь это уже не просто тревога.

Это — война.

И если он привык играть, я научусь выигрывать.

Он выбрал ложь.

А я выберу правду.

Даже если для этого придётся разрушить всё, что мы так долго строили.

Когда дверь за Алиной закрылась, в кабинете на секунду повисла тишина.

Петя что-то говорил — объяснял, предлагал помочь найти нужные бумаги.

Но я его уже не слышала.

Я просто улыбалась.

Так улыбаются женщины, которые поняли, что их предали — не сегодня, не вчера, а гораздо раньше.

Просто в этот момент всё стало очевидно.

Совпадения. Ложь. Детали, которым раньше не придавала значения.

Пока он говорил, я уже знала, что начинается другая жизнь.

Жизнь, в которой я не буду молчать.

Жизнь, в которой я больше не буду удобной.

Я больше не верю.

И это куда опаснее, чем ревность.

Это начало конца.

Или... чего-то нового.

Чего-то, с чем ему будет трудно справиться.

Глава 3

Виктория

Я хотела разорвать тишину.

Прямо там, в кабинете.

Хотела закричать, спросить, кто она для него на самом деле.

Догнать её в коридоре, заставить остановиться, повернуться, посмотреть мне в глаза.

Спросить: ты не ошиблась дверью? Это мой муж. Это моя жизнь.

Устроить очную ставку.

Пусть всё встанет на свои места — без фальши, без масок.

Пусть он скажет хоть что-то при ней.

Пусть она поймёт, с кем имеет дело.

Я даже сделала шаг.

Но остановилась.

Нет.

Это было бы слишком просто.

Слишком по-женски, слишком эмоционально.

Возможно даже импульсивно и истерично. Я не такая.

А я — не она.

Всё внутри меня выло. Но снаружи по-прежнему ни звука.

Спокойствие, за которым скрывается катастрофа.

Улыбка, которой я научилась, работая с отчаянными и напуганными пациентами.

Именно таким пациентом я себя и почувствовала в этот момент.

Я взяла с полки документы, не глядя, что именно — хоть какую-нибудь папку.

Сдержанно кивнула Пете:

— Я заберу копии и поеду домой.

Он ответил что-то невнятное. Кажется, пожелал хорошего дня.

Как будто мы и правда просто коллеги.

Как будто не было двадцати лет жизни.

Как будто я не слышала, как он шепчет её имя с той же интонацией, с какой когда-то говорил мне «не бойся, я рядом».

Я медленно шла по коридору. Не потому, что хотела, а потому, что не могла идти быстрее.

Ноги стали ватными.

Я чувствовала, как кровь стучит в висках.

Вышла из клиники на автопилоте.

Медленно. Не оглядываясь.

Стараясь держать осанку. Не показывать, как под кожей трясётся каждая клеточка.

На улице было ветрено.

Солнце било в глаза.

Я подняла лицо и глубоко вдохнула.

Такси я поймала быстро — как будто город не знал, что мне нужно немного времени, чтобы заземлиться.

Села на заднее сиденье, назвала адрес и захлопнула дверь.

Машина мягко тронулась с места.

Мы ехали через центр. Мимо мест, которые я знала наизусть.

Кафе, в котором мы с Петей сотни раз пили кофе после смен.

Переулок, где он когда-то обнял меня сзади и прошептал: я тебя никогда не отпущу.

Да уж. Все это ложь была. Дешевый спектакль или как его там...? Мираж.

Но сейчас, после этой нелепой ситуации, я смотрела на улицы, как будто видела их впервые.

Как будто всё изменилось.

Или, наоборот, как будто я наконец-то вижу всё таким, какое оно есть на самом деле.

Каждая деталь резала по живому.

Не потому, что воспоминания были острыми как лезвие ножа, которым он меня резал своей недосказанностью.

А потому, что они были слишком искренними.

И теперь казались будто из чужой жизни. Слишком далёкой, слишком наивной.

А я сидела в такси, сжимая пальцы в кармане плаща, и думала.

Думала.

О нас.

О нашей дочке Кристине.

Что будет с ней, когда она узнает?

Она ведь всегда смотрела на нас с Петей как на крепость.

А что будет, когда крепость рухнет?

И клиника...

Всё, что мы строили столько лет. Стены, пациенты, репутация.

Отец доверил нам всё. А мы? Мы теперь — не мы.

Я знала точно одно:

Я не прощу.

Я не из тех, кто может закрыть глаза ради общего дела. Ради фамилии. Ради иллюзии.

Потому что измена — это не случайность. Это — выбор.

И теперь я должна сделать свой.

Такси плавно двигалось по улицам, а я смотрела в окно и едва сдерживалась, чтобы не закричать.

Внутри меня были гром и гроза.

Не просто обида.

Гнев.

Настоящий, раскалённый, с привкусом горечи и стыда.

Теперь я думала о нём.

О том, кого я знала два десятка лет. Или думала, что знала.

Как он мог?

Как он мог так легко взять и вычеркнуть всё, что мы прожили?

Столько лет. Стабильность. Дом. Доверие.

Семья, которую мы строили кирпичик за кирпичиком.

И я. Я, которая была рядом, когда тебе было страшно, тяжело, когда весь мир давил на тебя — я поддерживала тебя.

Не Алина.

А теперь ты называешь её по имени — тем же голосом, которым когда-то называл меня.

Так тепло. Так уверенно.

Ради чего?

Ради чего ты всё это разменял?

На кого? На глянцевою, поверхностную, юную куклу с губами, вылепленными в чужом кабинете?

На фальшивую мягкость и наигранную тревожность?

На короткие платья и аромат дешевой провокации?

Да уж. Не знаю, что и сказать.

Посмотрим, что будет вечером, если я не сойду с ума.

Думаю, нас ждет интересный диалог.

Глава 4

Виктория

Он вошёл, как будто ничего не случилось.

Ключ повернулся в замке, как всегда. Щёлк.

Обычный звук.

А у меня внутри — как выстрел.

— Привет, — произнес он, сбрасывая куртку.

Интонация еще такая, словно ничего не произошло.

Как будто он не лгал мне сегодня в лицо.

Как будто не шептал другой женщине: всё будет хорошо, Алина.

Я вышла в коридор.

Спокойно, Вика. Без резких движений.

Но внутри всё горело.

Как будто кто-то медленно проводит лезвием по внутренней поверхности груди.

Он подошёл ближе, потянулся к моей щеке, поцеловал.

Его губы коснулись моей кожи, и меня передернуло. Как это мерзко.

Но я не отстранилась.

Я позволила.

Пусть думает, что всё как прежде.

На самом же деле я чувствовала его запах как чужой.

Как запах человека, который только что вышел из комнаты, где был не с тобой.

— Как прошёл день? — спросил он, направляясь на кухню по светлому коридору.

— Нормально, — прошептала я, глядя ему в спину, — у тебя?

— Консультации, операционная, твой отец. Всё по кругу.

Ложь.

Без запинок.

Он даже не напрягся.

А я кивнула. Потому что теперь я тоже умею врать.

Я направилась за ним, подошла к плите, достала сковородку, которую он покупал, анти-пригарную. И просто простояла так минут тридцать, нарезала и готовила, пока он молча сидел в своем телефоне за кружкой чая.

Когда я уже хотела возмутиться, крикнуть ему, что вот “Со своей Алиночкой переписываешь?” в этот момент в комнату вошла Кристина.

С ноутбуком в руках, в домашних шортах, босиком.

Немного сонная, но с тем самым подозрительным взглядом, который бывает у детей, когда они чувствуют, что что-то не так.

— Привет, — она потянулась к отцу за объятиями.

Он обнял её, поцеловал в макушку.

И в этот момент мне захотелось закричать.

Просто потому, что мы обе его.

И он предал нас обеих. Променил своих любимых девочек на новую... чужую.

— Мам, ты чего такая тихая? — насторожилась дочка, присев на стул.

Я посмотрела на нее и буквально выдавила из себя улыбку.

— Просто замоталась. Бывает.

— У тебя усталый вид, — вставил Петя, глядя на меня.

Да? Неужели? А почему это интересно?

— Всё хорошо, — повторила я почти истерично, — у меня все хорошо!

Честно сказать, где-то глубоко внутри себя, я в этот момент приняла решение: всё и правда будет хорошо. Для меня. Но не для него. Я докопаюсь до правды и он поплатится.

За стол мы сели тоже как ни в чем не бывало.

Мы ели вчетвером — я, он, Кристина, и нечто между нами то, что никто не называл.

А я смотрела.

На каждое его движение. Интонацию. Взгляд.

Доченька рассказывала о буднях в университете. Сдавала проект, писала эссе. Говорила о преподавателе, который ее раздражает.

А я слушала — и сдерживала слезы.

Не от боли — от ярости.

От того, что этот человек, сидящий рядом, разрушает не только наш брак.

Слушаю дочь и переключиться не могу. Все к одному в голове сводится, чтобы не делала.

Он ведь разрушает наш дом, нашу семью, её опору.

— Ты правда в порядке? — он нахмурил брови.

— Да, Петя, — улыбнулась я. — Просто нужно немного перезагрузиться. Может, действительно стоит подумать об отпуске?

Он оживился:

— Да, я тоже об этом подумал. Поедем втроём?

Я кивнула.

Втроем.

Как раньше.

А сама подумала: пусть строит планы.

Пусть верит, что у него всё под контролем.

Я дам ему эту иллюзию.

Ненадолго.

Глава 5

Виктория

После ужина Кристина ушла к себе, думаю, работать над проектом, слушать музыку.

Пётр заперся в кабинете. Сказал, что ему нужно закончить отчёт.

А я сидела в тишине.

Одна.

С чашкой давно остывшего чая.

С дыханием, которое я словно сдерживала весь вечер.

Я уже почти дошла до ванной, когда услышала вибрацию. Снова.

Его телефон остался на подоконнике в кухне.

Редкость.

В последние недели он почти всегда носил его с собой.

Но в этот раз не подумал.

Экран загорелся.

Алина:

«Сегодня ты был особенно хорош. Не хотелось уходить, лежу в твоей рубашке....»

Я мягко сказать опешила. Внутри у меня всё сжалось.

Грудь, живот, горло.

Так, что я не могла вдохнуть.

Слова плыли перед глазами.

Но я видела каждую букву.

Не хотелось уходить....

В его рубашке.

Это уже не просто ложь.

Это — жизнь, которая идёт параллельно нашей.

Где её желания важнее моего достоинства.

Где она спит в том, что он носит здесь, дома.

Рядом со мной. Рядом с Кристиной.

Я слышала шаги — он возвращался из кабинета.

Быстро выключила экран и отошла к раковине, будто мыла чашку.

Он появился в дверях кухни и остановился.

Увидел его. У меня.

На секунду всё замерло.

— Ты забыл, — сказала я изо всех сил равнодушно и протянула мобильник.

Голосом без укора. Без подозрения. Только лёгкая пауза между словами.

Он подошёл и взял его.

Пальцы коснулись моих. Чуть дольше, чем я привыкла.

Взгляд скользнул по экрану.

Он успел. Он понял, какое сообщение там мигало.

Увидел.

И ничего.

Ни дрожи, ни извинений, ни фразы.

Только одно: он больше не притворялся расслабленным.

— Спасибо, — сказал он тихо, слишком тихо.

Он смотрел на меня напряжённо, словно выжидая.

— Пожалуйста, — ответила я. — Ты редко его забываешь последнее время. Я даже удивилась.

Он кивнул. Медленно.

— Бывает, — пробормотал он, и на его лице появилась та улыбка, которую я ненавидела больше всего: прикрытая тревога.

Петя всегда улыбался, когда не знал, что делать.

Я отвернулась, делая вид, что наливаю воду.

Но спиной чувствовала, что он смотрит.

Он знает, что я видела.

Считает секунды.

Собирает картинку.

— Завтра у нас приём у поставщиков, — напомнил он, подходя ближе. — Ты не забыла?

— Нет, конечно, — кинула я непринуждённо. — Я вообще стала отлично все запоминать.

Особенно детали.

Между нами повисла пауза.

Тонкая, натянутая — коснись, и порежешься.

Он кивнул снова. Механически.

Я обернулась. Подошла ближе. Очень близко.

Посмотрела прямо в глаза.

— Петя... а ты бы сказал мне, если бы было что-то... важное? Ну, что-то, что касается нас?

Он чуть не вздрогнул.

Но справился.

— Конечно, — ответил. — Сказал бы.

А что?

— Ничего, — улыбнулась я. — Просто спрашиваю. Вдруг мне тоже нужно будет тебе что-то сказать.

Он выпрямился.

Улыбка исчезла.

Он больше не был расслаблен.

Он — ждал.

— Ну, тогда скажешь. Когда нужно...

— Обязательно, — сказала я. — Когда будет самое интересное.

И прошла мимо него.

Ночь тянулась года целого дольше.

Дом, казалось, дышал по-другому.

Петя лег спать раньше обычного. Гораздо раньше.

Укрылся одеялом, отвернулся к стене.

Кристина заканчивала подготовку к своему проекту и тоже собиралась укладываться.

А я осталась на кухне.

В халате, с бокалом вина, которое не пила. Не лезет. Тошно.

Телефон в руке.

Слишком много мыслей.

Слишком мало воздуха.

Я уже собиралась пойти в душ, когда экран загорелся.

Звонок.

Номер не был сохранен. Просто набор цифр.

Ни имени, ни фото.

Просто +7 и долгая пауза.

Я стояла у мойки, мыла чашку.

Думала — не брать.

Не хочу.
Не могу.
Но пальцы будто сами нажали на зелёную кнопку.
— Алло?
Снова пауза. Легкое потрескивание связи.
Потом голос.
Мужской. Грубый, почти вкрадчивый.
— Виктория Павловна?
Мгновенное напряжение прошло по телу.
— Кто это?
— Вам кажется, что Петр просто предает вас. Что это... личное. Но это уже вышло за рамки личного. Алина — не та, за кого себя выдаёт.
Я замерла.
Он знает моё имя.
Он знает о моем муже.
Он знает об Алине.
— Вы кто?
— Тот, кто следит за ситуацией чуть дольше, чем вы. И тот, кто пока не является вашим врагом. Если вы хотите сохранить семью, клинику и... репутацию, вам стоит начать присматриваться. Петр не понимает, во что ввязался...
— Зачем вы мне это говорите?
— Потому что у вас еще есть шанс выбраться. Но не у всех он есть.
— Вы угрожаете?
— Нет. Я предупреждаю. Не задавайте ему вопросов. Не показывайте, что знаете. Собирайте факты. Не эмоции.
— Откуда вы...
Щелчок.
Гудки.
Несколько предложений.
Ни имени. Ни номера.
И при этом — всё.
Я медленно опустила руку с телефоном.
Он погас. Экран снова стал чёрным.
Я смотрела на него и ничего не видела.
Вообще ничего.
А потом — пришло.
Холод.
Ладони стали влажными. В висках запульсировало.
Живот сжался, как при падении.
Меня бросило в холодный в пот.
Я села прямо на пол, прямо на кухне. Не соображая, что делаю.
Кто это был?
Откуда он знает?
Почему позвонил мне?
Почему именно сейчас?
Я провела ладонью по лицу. Она дрожала.
Зубы стиснуты, горло пересохло.
Внутри всё сжалось, как в вакууме.
Ещё пару часов назад я думала, что самая страшная правда — это его измена.

Что больнее быть не может.
Но теперь?
Теперь стало страшно по-настоящему.
Не за себя.
За Кристину. За отца. За клинику.
За то, во что нас всех могли втянуть.
Слова повторялись в моей голове, как будто записанные на испорченную плёнку.
«Алина не та, за кого себя выдаёт...»
«Петр не понимает, во что ввязался...»
Это не любовница.
Это не дурацкая интрижка в кабинете.
Это схема.
История. Связи. Манипуляция.
И мой муж, любимый когда-то до безумия... дорогой мой муж — в центре.
А я?
Я сидела, глядя в пустой коридор, и вдруг поняла: я последняя, кто ещё не в игре.
Но я больше не могу быть зрителем.
Я поднялась. Тело ватное, но в голове уже начинало проясняться.
Слезы подступили и тут же исчезли.
Никакой истерики. Никакой драмы.
Только желание докопаться до правды всей этой абсурдной ситуации.
Я прошла по квартире. Не спеша.
Зашла в комнату Кристины.
Она уже уснула, тихо свернувшись калачиком на боку.
Моя девочка.
Я не позволю никому в ее жизнь смуту вводить.
Зашла после в нашу с Петей спальню.
Предатель спал.
Сладко и посапывая. На спине, положив руку на живот.
Как человек, у которого все идет по плану в жизни. Что ж, неплохой план был вообще
завести интрижку, а дальше я еще не знаю, куда его нелегкая занесла.
Я долго смотрела на него. Долго.
И думала: ты даже не представляешь, как близко к краю ты нас всех подвёл.
Я больше не собиралась сидеть сложа руки.
Мне нужны были ответы. Доказательства. Подробности. Мотивы.
Всё.
Завтра я сделаю первый шаг.
И начну с самого простого: я разберусь, кто такая эта Алина.
Дорогие читатели, в следующей главе мы познакомимся с нашими героями.
Желаю вам хорошего дня, ваша Алена!
Можно листать дальше!

Визуализация героев

Дорогие читатели, рада приветствовать вас в истории!

Отдельная благодарность за ваши отзывы и комментарии!

Начнем?

Виктория Павловна Кузнецова. 37 лет

Ведущий специалист в области пластической хирургии, совладелец пластической клиники «Линия красоты».

Любящая мать и жена, каждый свободный момент уделяет семье, а ведь когда-то очень любила проводить время за пилатесом и йогой, на которые сейчас совсем нет времени.

Петр Кузнецов. 39 лет.

Совладелец клиники «Линия красоты», которую основал отец Виктории. Заведующий отделением хирургии, ведущий хирург.

Свободное время уделяет спорту, в надежде сохранить физическую форму и молодость.

Любитель тихих вечеров за бокалом виски и приятными дискуссиями.

Кристина Кузнецова, 18 лет.

Студентка гуманитарного института. Имеет большой талант в изучении языков и ведение своего блога с короткими познавательными видео. Примерная дочь, любящая своих родителей

Алина Власова, 29 лет.

Аспирантка медицинского вуза, по совместительству подрабатывает моделью на съемках для бьюти-компаний и маркетплейсов. Любительница собак и мужчин постарше.

Глава 6

Виктория

Утро прошло по сценарию.

Он встал первым, пошёл в душ, как всегда оставив после себя мокрый пол.

Я лежала с открытыми глазами, прислушиваясь не столько к воде, сколько к собственным мыслям.

Каждый стук — не капли, а метка.

Напоминание, что время пошло.

На кухне я поставила чайник, отрезала хлеб, включила тостер.

Мои движения были словно отрепетировано заранее.

Я всё контролировала: руки, дыхание, лицо.

Он появился через несколько минут.

Надушенный, с влажными волосами, в рубашке, которую Алина, наверное, еще не успела обносить.

Поцеловал меня в щеку, как делал тысячу раз.

Козел.

Но теперь мне хотелось отдернуть плечо.

— Доброе утро.

Я едва кивнула, не отрывая взгляда от чашки.

Пауза повисла между нами, но он, похоже, решил ее не заполнять.

— Сегодня нужно просмотреть отчеты за второй квартал.

Я поеду в банк, ты сможешь зайти в бухгалтерию?

— Конечно. Я как раз собиралась туда зайти.

Кажется, там что-то не сходится по «Артмедику».

Может, по поставке оборудования.

Он замер.

На долю секунды — плечи слегка напряглись.

Рука, державшая кружку, остановилась на полпути к губам.

— Что именно?

Я пожала плечами, не торопясь с ответом.

— Не уверена. Просто хочу проверить. Странно, что это всплыло у меня в голове ночью.

Он ничего не сказал, но я видела, что мысль, которую он старательно отгонял, уже зацепилась.

Через два часа я вошла в клинику.

Всё шло как обычно. Коллеги кивали. Ассистентка что-то сказала про заседание.

Я кивнула и прошла мимо.

Сегодня у меня были дела поважнее.

Навела в бухгалтерию.

Елена, как всегда, с очками на лбу и двумя карандашами за ухом, удивлённо посмотрела на меня.

— Виктория Павловна, вы всё же решили проверить отчёты?

— Да. Я проснулась с ощущением, что мы что-то упустили в «Артмедику».

Не посмотришь быстро?

Она встала, достала нужную папку и села рядом.

Я присела и начала листать документы.

Медленно.

Не торопясь.

Каждый лист — как шаг по следу.
Да уж, Вика. Как ты докатилась до жизни такой?
— Алина Власова... — пробормотала я, словно сама себе.
Пауза.
— Кто это?
— Власова? Координатор. Новенькая в «Артмедики».
Недавно появилась. Мы с ней уже пару писем согласовывали.
И Петр Андреевич с ней много общается. Вроде как напрямую решают вопросы.
Я слегка улыбнулась.
— Интересно. Просто имя показалось знакомым. Наверное, совпадение.
Лена кивнула, не придавая значения.
Но внутри меня уже загорелась лампочка.
Имя. Контакты. Бумаги. Связь с поставщиками.
И главное — официальное прикрытие.
Я закрыла папку и встала.
— Спасибо. Я ещё к тебе зайду позже.
Она пожелала мне хорошего дня, и я вышла в коридор.
Когда я вышла из бухгалтерии, мир словно потускнел на секунду.
Не потому, что я устала — нет.
Просто реальности, в которую я привыкла верить, больше не было.
Это не просто про измену.
Не про очередную Алину, к которой мужчина тянется в кризисе среднего возраста в поисках лёгкости и нового тела.
Нет.
Теперь всё выглядело иначе.
Петя завёл не просто любовницу.
Он построил её в дело нашей жизни. В бизнес, который мы строили годами.
У меня под носом.
Под именем моего отца.
Гнев - единственное, что сейчас чувствую.
Он лгал не только мне.
Он обманывал нас всех.
Меня.
Папу моего.
Крестину.
Он строил что-то за спиной у семьи, которая сделала его тем, кем он стал.
Я вспомнила, как он всегда говорил:
— Мы — команда. Ты и я. Никогда не работаем порознь.
Какая ирония.
Пока я лечила пациентов, он делал делишки на стороне.
И использовал наше общее имя как прикрытие.
Теперь я знала:
Это уже не просто больно.
Это опасно.
Если он замешан в чём-то незаконном, если он использует наше имя и ресурсы — я должна знать.
Срочно.
Не для того, чтобы отомстить.
Не из ревности.

А чтобы успеть остановить последствия, пока они не ударили по тем, кого я люблю.
Я не могу позволить себе быть наивной.

Глава 7

Виктория

Я ехала домой, уставившись в окно.

Мимо проносились огни. Машины, вывески, люди с счастливыми лицами, которым повезло не знать того, что теперь знаю я.

Снаружи — всё как обычно.

Внутри — новая я.

Та, которая уже не может просто прийти, поцеловать мужа в щёку и спросить, как прошёл день.

В голове — список.

Краткий, точный, хищный:

Собрать максимум информации о "Власовой" — откуда, с кем контактирует, когда появилась. Насколько далеко зашла эта нелепая связь с моим мужем?

Проверить, что именно Петя подписывал в последний месяц.

Выяснить, что знает отец. Знает ли?

Понять, как далеко всё зашло.

И главное — не спугнуть. Пока не узнаю всё.

Быть истеричкой сейчас со всех сторон не выгодно. Импульсивные решения оставляем.

Я понимала: стоит сделать одно резкое движение — и всё схлопнется.

Он начнёт уничтожать следы.

Скажет, что я сошла с ума.

Что всё мне кажется.

Он умеет это.

А я должна быть тише воды, ниже травы.

И намного умнее, чем была раньше.

Я уже тянулась к ручке двери машины, когда экран телефона завибрировал.

Кристина.

Я ответила, ещё даже не вдохнув.

— Мам, привет. Ты едешь домой?

— Уже подъехала. Что-то случилось?

— Нет-нет. Всё нормально. Просто... я у Лизы. Мы тут с девчонками кино смотрим. Останусь у неё, хорошо? Завтра с утра в универ — оттуда ближе.

— Конечно. Веселитесь. Только не поздно ложитесь, ладно?

— Да, мам, я уже почти сплю. Люблю тебя.

— И я тебя.

Связь оборвалась. Ох, доченька моя, только ты и радуешь меня, держишь на плаву.

Я настолько завела, что ещё несколько секунд держала телефон в руке.

Не знаю почему.

Просто... в этот вечер её не будет дома.

И это, странным образом, дало мне чуть больше воздуха.

Больше пространства.

Больше свободы и страха одновременно.

Я нажала на кнопку отключения.

Посмотрела в темноту перед домом.

Сделала вдох.

Поднялась по ступеням к дому.

К ужину.

К человеку, который больше не знает, кем я стала за эти два дня.
Дома пахло тушёной курицей.
Он томил её в вине, как я люблю.
Знал, что я голодна после смены. Думал, как будто всё по-прежнему. Или пытался делать вид? Вид, как будто в этом доме ничего не трещит по швам.
Я сняла пальто. Не спеша.
Услышала, как он хлопает дверцей духовки, звенит бокалами, включает музыку.
Старый джаз. Он думает, что меня это успокаивает. Мда.
— Ты пришла, — улыбается он, выходя из кухни с бокалом вина. — Я уж подумал, застряла где-то в пробке.
Я взяла бокал, сделав глоток.
Посмотрела на него поверх стекла.
Его лицо. Оно все такое же родное.
Но теперь я вижу каждый оттенок напряжения под кожей.
Он что-то чувствовал.
Пока не знал, что именно. Но чувствовал.
— День был долгим, — произнесла я, присаживаясь к столу.
— Как в бухгалтерии?
Слишком быстрая фраза.
Слишком точно он знает, куда я ходила.
Я улыбнулась. Ехидно.
— Ничего особенного. Попросила Елену показать акты по «Артмедику». Там была одна странная фамилия. Ты её знаешь? Власова.
Он не повел и ухом.
Хорош актер. Да театр сгорел.
Но тут я заметила, как напряглась левая рука, та, которой он держал салфетку.
— Власова?.. А, да. Координатор у них новая. Мы пару раз обсуждали сроки поставки.
А что такое?
— Просто показалась знакомой.
Я сделала ещё один глоток.
Он кивнул, сев напротив.
Нож. Вилка. Салфетка. Всё по правилам.
Романтический ужин. Как в той жизни. Прошлой уже.
— Ты выглядишь напряженной, Вик, — попытался подобрать он слова, — Что-то случилось?
Я посмотрела на него.
И в этом взгляде было всё, чего он не знает.
Он был растерянным.
Последний раз я видела этот взгляд пару лет назад, когда он забыл встретить мою маму в аэропорту.
Только та ситуация казалась мне абсолютно нелепой глупостью, в сравнении с тем, что мы имели сейчас.
Звонок.
Мужчину на том конце линии.
Слова про схемы.
Про то, что он втягивает нас во что-то темное.
Про то, что я больше не слепа.
— Просто устала. Думаю, мы все последнее время на пределе.
Он протянул руку, положил её на мою ладонь.

Когда-то я жила ради этого касания.
Сейчас же хотелось просто вытереть пальцы о скатерть.
Но я просто замерла.
Я дала ему держать мою руку.
Я изучала его хватку.

Она стала крепче. Словно он боялся, что я уйду. Будто его голову внезапно посетили эти мысли.

Словно понял, что не все уже под его контролем.

Ужин закончился, как и мое желание продолжать разыгрывать эту комедию под названием “семейная идиллия”.

Зайдя в ванну, я решила смыть этот день, все то, что я узнаю последнее время и отчего мне так противно.

Включила воду. Посмотрела на своё отражение. Глаз подергивался, челюсть была сжата.
Я спросила себя:

Вика, ты собираешься всё разрушить? Или ещё надеешься спасти?

Ответа нет.

Пока нет.

Но я знаю одно:

Я дам себе ещё немного времени.

Глава 8

Виктория

Вода стекала по коже, смывая мои переживания, мой гнев, мою ревность, его слова, которые стали казаться для меня такой же водой. Вода делала вид, что может смыть всё.

Но не смыла.

Я стояла под душем дольше, чем обычно.

Не потому что устала.

Потому что не хотела выходить туда, где меня ждёт человек, который так хочет стать для меня чужим и делает все для этого. Просто пока в тайне от меня.

Я вытерлась, накинула халат, вышла из ванной с мокрыми волосами.

Дома было тихо.

Кристина у подруги.

А Петя... ждал меня в спальне.

Он лежал поверх пледа. В той самой футболке, которую всегда надевал, когда хотел быть «ближе».

Старый приём.

Когда-то он срабатывал. Меня это умиляло.

— Ты пахнешь так, как в отпуске в Италии, — произнес он, не вставая. — Помнишь?

Я кивнула.

Он протянул руку.

— Иди ко мне.

Я подошла.

Села на край кровати.

Он подтянулся ближе, провёл рукой по моим плечам.

Медленно и чуткой. Слишком.

Тот самый жест, от которого когда-то мурашки пробегали по всему телу.

— Ты какая-то... вся не моя в последнее время, — прошептал он, — Я скучаю по тебе.

Ложь. И внутри что-то такое... Бряк. Снова.

— Не по привычкам, не по тому, что у нас есть. По тебе.

Я не ответила.

Но не отстранилась.

Его рука скользнула ниже.

Он тянулся ко мне всем телом. Лбом к моей щеке. Губами — к шее.

У меня сбилось дыхание.

И я почти позволила.

Когда он провёл рукой по моей ключице, когда пальцы его коснулись моего плеча — неуверенно, как будто он сам боялся, что я исчезну, — внутри что-то отозвалось.

Не разум.

Тело.

Я скучала.

Скучала по этим прикосновениям, по теплу, по тому моменту, когда можно не говорить, не думать, не держать лицо. Просто быть собой... его любимой, желанной женой.

Я устала быть сильной, собранной, наблюдающей.

Я хотела прижаться к нему и снова стать той, которой он шептал на ухо: ты моя, ты самая красивая.

Я почти чувствовала это забытое электричество под кожей.

Как в двадцать. Как в первые годы, когда мы не могли насытиться друг другом.

Когда каждое утро начиналось с его дыхания у меня на шее.
Когда он смотрел так, как будто я была единственной женщиной на все Что «это возраст».
Что «все так живут».
А он просто не хотел.
Меня.
Ту, с которой прожил половину жизни.
И сейчас — он прикасается так, как будто делает одолжение.
Как будто проверяет: а вдруг я ещё способна простить?
Я почти закрыла глаза.
Почти поверила, что могу снова стать той женщиной, к которой он тянется.
Почти...
Но в голове снова всплывает мужской голос по телефону.
Тот самый отрешенный голос.
"Петр не понимает, во что ввязался..."
Всплывает то самое сообщение.
"Ты сегодня был особенно хорош. Лежу в твоей рубашке."
Я напряглась.
И тут же в нос ударил запах.
Сладкий.
Чужой.
На его коже, у самого уха.
Запах того самого шлейфа, который оставила эта вычурная особа, выходя из кабинета пару дней назад.
Я вспомнила этот запах. Точно. Я уже слышала его ранее.
Он уже был на воротнике его пиджака, когда он пришёл поздно пару недель назад. Я тогда не придавала значения.
Сегодня же я не смогла не заметить этого.
Как же я была слепа. Какая же глупость...
Меня сковало чувство отвращения.
Я отстранилась.
Он удивленно поднял голову.
— Что?
— Я сегодня... не могу, — сказала я. — Я перенервничала. День был тяжёлый.
Он сел.
— Это из-за меня?
Я помолчала.
А потом вдруг — сказала правду.
Частично.
— Я сегодня сплю в комнате Кристины. Она у подруги, а я... просто хочу тишины. Надо подумать.
Я... не справляюсь.
Он не ответил.
Я встала.
Подняла плед, медленно пошла к двери.
— Вика...
Я остановилась.
Он не сказал ничего больше.
И это — сказало всё.
Я закрыла за собой дверь и осталась в пустой комнате дочери.

Села на край кровати.

Подушка с выгнутым уголком. Розовая пижама с мишками - на стуле.

Обняла подушку и просто сидела.

Долго.

Словно бы ждала, что он сейчас зайдет в комнату, расскажет мне все, что все это какой-то нелепый розыгрыш, жестокий, дурацкий, но розыгрыш. Что все это неправда.

Словно хотела проснуться от кошмарного сна.

Словно бы я ждала, что боль уйдет сама.

Но она не уходила.

Вместо этого — приходили мысли.

Одни и те же, по кругу.

Звонок.

Смс.

Запах на его коже.

И прикосновения — такие ласковые, будто он право своё отвоевывал, а не играл в любовь.

Как ты мог, Петя?

Ты прикасался ко мне, зная, что будешь вечером обнимать другую.

Ты смотрел в глаза и спрашивал, скучаю ли я — когда сам не скучал уже давно.

Ты пытался разбудить во мне ту женщину, которую сам давно убил. А теперь что — вопросительный невинный взгляд? Попытки понять не узнала ли я чего? Не поняла ли?

Да нет, просто загоняется по мелочам. Наивная дурочка.

И ведь самое страшное — я чуть не позволила.

Чуть не уступила.

Чуть не поверила, что прикосновения могут всё вернуть.

Глупая.

Сломанная.

Женщина, которая просто хотела, чтобы её снова любили.

Я уткнулась лицом в подушку и сжала кулаки.

Хотелось кричать. Плакать.

Но не позволила.

Ни слезы. Ни звука.

Глава 9

Виктория

Я проснулась в комнате Кристины.

Проснулась без будильника, резко, будто меня выбили из сна.

Голова ватная.

Не от вина. От бесконечных душевных терзаний и мыслей.

Тело ломит. Как после драки.

Только дралась я не с кем-то. С собой.

Я присела на кровати. Смотрела в окно.

Солнце пробивалось сквозь шторы, ласково. И это меня почему-то раздражало.

Кто ты, Алина?

Пациентка? Координатор? Или просто удобная ложь?

Я вспомнила, как Петр в клинике, в тот день, когда я зашла к нему без запинки, сказал:

— Это Алина. Пациентка. Готовится к пластике груди. У нас консультация.

Тогда я поверила. Потому что было слишком страшно не поверить.

Но теперь...

Теперь я знала, что у «Артмедика» тоже есть Алина.

Координатор. Та, с кем он контактирует по документам.

И теперь всё казалось слишком странным.

Слишком неопределенным.

Совпадение? Или прикрытие?

Накинула халат.

Прошла в ванную. Умылась, глядя в своё отражение.

— Достаточно, — прорычала я себе в зеркало. — Хватит цепляться за сомнения.

Я знала что делать.

Сегодня у Пети весь день должны быть операции.

Его не будет в кабинете с девяти до четырёх.

А значит, у меня есть возможность все узнать.

Как минимум узнать из плана его операций есть ли там вообще эта Алина.

В клинику я приехала чуть раньше, чем обычно.

Халат. Минимум макияжа. Волосы убраны — стандартный «рабочий режим».

Зашла в свой кабинет, проверила пару бумаг, чтобы не вызвать никаких лишних подозрений и мыслей у персонала.

А потом спешно направилась в кабинет мужа.

Ассистентка была на перерыве.

Дверь не заперта.

Я вошла.

Закрыла за собой дверь.

Вдохнула.

Сердце билось быстро. Оно колотилось.

Всё было на своих местах как всегда. Да уж. Даже не удивлена.

Петя был педантичен в каждой мелочи. Не подкопаться ни в одном деле. Иногда в домашних делах это меня даже подбешивало, но на работе это безусловный плюс.

Видимо, теперь педантичность коснулась и его вранья. Но увы и ах мне придется сломать этот стереотип.

Я подошла к компьютеру.

Его пароль я знала.

Он никогда его не менял. Дата нашей свадьбы. Глупо. Символично. Удобно.
Я открыла базу данных на выдохе, слушая только потрескивание клавиш.
Ввела: Алина.
Результаты пошли. Несколько фамилий, рассыпанные по месяцам.
Я начала проверять поочередно.
Но с каждой строчкой внутри становилось всё тяжелее.
Все даты — не совпадают.
Все операции — не те.
Ни одна из этих женщин не была здесь в день, когда я собственными ушами слышала её
голос и когда Петя говорил ей:
— Всё будет хорошо. Не переживай.
Я ввела повторно.
На случай ошибки.
Изменила фильтры.
Прогнала вручную.
Пусто.
Никакой Алины в тот день.
Никакой пластики груди.
Никакой записи на консультацию.
Я откинулась на спинку его кресла.
Холодок пробежал вдоль моей спины.
Крошечная надежда на то, что он мне не врет, испарилась.
Он знал, что я могу зайти.
И придумал "пациентку", чтобы не пришлось объяснять, кто она.
Я даже не сразу заметила, что руки дрожат.
Стало жарко. И тут же холодно.
Сидела в кабинете своего мужа и чувствовала себя униженной.
Обманутой. В очередной раз.
Всё становилось слишком нагнетающим.
И единственный, кому я могла теперь довериться был тот, кто когда-то научил меня
верить в себя.
Отец.
Я достала телефон.
Позвонила.
— Пап, ты в клинике?
— Нет, пока нет. Буду через пару часов. Что-то случилось?
Я сделала паузу.
— Просто... есть тема. Хочу с тобой поговорить.
Он замолчал.
Но я слышала, как он вздохнул.
— Ладно. Я позвоню, когда приеду.
Эти два часа стали самыми долгими за последнее время. Я как умалишенная ходила из
стороны в сторону. Туда-сюда. И в голове только глупое "Бряк".
Я не могла работать, к слову за последние дни я отменила уже столько пациентов, сколько
не отменяла за последний год. Какой ужас, Вика... Но...
Я элементарно не могла сфокусироваться на одной точке.
Просто ходила по коридору, шоркая туфлями. Пила воду. Смотрела в окно.
В голове крутилось только одно имя.
«Алина».

Что, если она не только любовница?

Что, если?

Все. Не могу.

Больше не в силах мучить себя неопределенностью, я села у себя в кабинете. Буквально плюхнулась в мягкое кожаное кресло и закрыла глаза.

Меня знобило. А время тянулось, как резина.

Злость. Страх.

Разочарование.

И тут, выбивая меня из собственного самокопания раздался звонок.

— Я на месте. Ждёшь?

— Да.

Отец уже расположился в своем кабинете, когда я добежала до него, не видя ничего вокруг, даже чуть не сбила с ног администратора.

— Закрывай, — сказал он, когда я зашла. — Поговорим. Что стряслось?

Я присела. Но почему-то не сказала ничего сразу.

Он ждал.

Смотрел — не давя, не торопя.

Просто... по-отцовски.

— Пап, — начала я. — Я должна спросить. Ты ничего странного не замечал в последнее время? В поведении Пети? Или... в документах?

Он помолчал.

Долго.

Положил ручку. Снял очки.

Так, а вот это мне совсем не нравится.

Как только я решаюсь, он делает такое лицо, словно и сам все знает.

— Вика, — прохрипел он, осматривая меня с пальцев рук до макушки.

Я почувствовала, как внутри стягивается что-то.

— Говори, пап. Что? Я готова.

Он выдохнул, провёл ладонью по столу, словно вытирал пыль, но стол был чист.

— Ты сама заметила странности, значит... я не один такой. Последние месяцы зятек совсем не в себе. Мне это не нравится, не знаю как там у вас дома, но тут в клинике, сама понимаешь, рассеянным быть не дело. Он стал... нервный. У вас что-то случилось?

Я сжала зубы до скрипа.

— Ну... — единственное, что смогла вымолвить, — как сказать.

— Так вот, Петенька твой начал отменять вечерние приемы без объяснений. Иногда — в последний момент. А в твои выходные — сам просил снимать с себя записи, «чтобы , провести время с семьей».

Он сделал акцент на слове семья, и я едва сдержала дрожь.

Однако папа продолжил.

— Говорил, что хочет делать тебе сюрпризы. Цитирую: «Она так устала, я хочу вернуть ей немного радости». И, знаешь, я тогда подумал: ну, может, спохватился. Очнулся. Вспомнил, что у него жена моя дочь красавица. Но потом начал замечать, что никакой радости ты не получаешь. Ты ходила на работу, все как обычно. А я мужчина с опытом, понимаю, когда женщина счастлива.

Я молчала.

Во рту совсем пересохло.

Пальцы вцепились в подлокотники кресла.

Сюрпризы...

Забота...

Свободные выходные, чтобы провести время со мной...

А он просто освободил себе пространство.

Для неё...

И он делал это — через моего отца. Подонок.

Я опустила взгляд.

Сжала губы.

Больно.

— Спасибо, пап, — прошептала я, едва не пустив слезу, — Я больше не хочу делать вид, что всё хорошо. Мне надо тебе кое- что рассказать...

Дорогие читатели, в следующей главе у нас Визуал отца Виктории, можно листать дальше

Визуализация 2

Павел Сергеевич Егоров - 58 лет

Учредитель семейной клиники пластической хирургии «Линия красоты». Отец Виктории. Волевой и властный мужчина, который привык всего добавиться в этой жизни. Но очень мягкий по отношению к своей дочери. В последнее время постепенно отходит от дел, доверив многое Петру и Виктории.

Глава 10

Виктория

Мы не сразу понимаем, что взрослые тоже совершают ошибки.

Что отец может быть неправ.

Что мама может быть слабой.

Что семья — это не крепость, а скорее фасад.

А я поняла это слишком рано.

Сидя рядом с отцом наедине в его просторном кабинете, я закрыла глаза и на момент позволила себе вернуться туда, где боль только начиналась.

В детство.

Мне было двенадцать, когда мама впервые надолго замолчала.

Не на час. Не на вечер.

А на месяц.

Мы тогда жили в просторной квартире с высокими потолками, с окнами, из которых был виден парк и крыши соседних домов.

Мама почти не выходила из дома.

Она ходила по дому в халате и собирала себя по кусочкам.

Иногда сидела на кухне в полной тишине.

Иногда плакала в ванной. Не вслух, а спиной, прижавшись к двери, чтобы не было слышно.

Я помню это лучше, чем всё остальное.

А потом однажды я услышала, как она сказала бабушке по телефону:

— Он спит с другой.

Просто сказала это, как будто речь шла о командировке.

Она не кричала.

Не бросалась.

Не разбиралась, почему.

Она просто замкнулась.

Оцепенела.

Тогда я не понимала серьезности этой ситуации, к чему это может привести.

Что то действие, о котором тогда было произнесено по слогам три слова могут полностью стереть понимание о счастливой семье.

Разрушить все. Так просто и нелепо.

Тогда я не знала, что жизнь нашей семьи уже никогда не будет прежней. Не будет тех дорогих сердцу моментов, когда мама смотрит на папу, как на самого лучшего на свете мужчины. У нее взгляд потух, а я не знала, что впереди лишь боль и ложь.

Я злилась на неё. За то, что она не пыталась ничего предпринять, спасти все то, что называется семьей.

Но ещё сильнее я злилась на пап, несмотря на то, что отец тем временем продолжал быть отцом.

Улыбался.

Всегда интересовался моими делами и в школе.

Привозил мне подарки.

Забирал из школы на черном «Мерседесе».

Говорил, что «женщины слишком чувствительны» и что «твоя мама слишком остро всё воспринимает».

А потом...

Потом мама просто исчезла.
Физически она осталась.
Но душой — нет.
Она отказалась бороться.
И за себя.
И за меня.
Через полгода они развелись.
Без скандала. Без судов.
Он всё устроил тихо, как умел.
Юристы. Доли. Подписи.
И я осталась с ним.
Потому что он был влиятельным.
Потому что у него было больше.
Потому что он убедил всех, что так будет лучше.
И даже меня.
А мама уехала.
В другой город.
Стала «редкой гостьей».
Писала длинные письма, которые я не читала и-за детской глупой обиды.
Она и звонила всё реже.
И вот вышла так, что я выросла с папой.
С его порядком.
С его устоями.
С его деньгами и его властью над многими вещами.
И я училась быть сильной.
Сдержанной.
Молчаливой.
Как он.

Но теперь, сидя в этой комнате с окнами, выходящими на задний двор клиники, я вдруг поняла, что выросла на обломках её боли.

И как бы то не было, частично повторила ее судьбу.

Я строила свою жизнь по схеме, которую презирала.

Я вышла замуж за мужчину, который сначала был похож на моего отца — амбициозный, спокойный, контролирующий, а теперь, возможно, стал им на самом деле.

И я, как когда-то мама, могла бы закрыть глаза.

Или сделать вид, что всё ещё можно вернуть.

Что любовь выше предательства.

Что привычка — это тоже форма привязанности.

Но... я не мама.

Я не умею молчать и умирать в себе по частям.

Я не отдам свою жизнь мужчине, который считает моё доверие удобством.

Где-то в глубине души мне было страшно.

Что я останусь одна.

Что он снова выберет удобство.

И что эта история повторится.

Не с той же силой, не с теми же словами — но с тем же финалом.

Плохим... возможно слишком ужасным финалом, особенно для детей. Возможно поэтому я так много думаю и пытаюсь докопаться до правды. Я боюсь, что по моей доченьке это ударит так же, как и по мне...

Что она больше не будет доверять мужчинам или просто... как страшно по женски звучит - повторит судьбу матери.

Где-то в глубине души все еще цепляюсь за надежды, просто потому что не хочу, чтобы она чувствовала эту боль, не брошенного, не забытого, а просто ребенка, оказавшегося перед выбором - быть с мамой или папой, потому что семьи больше нет.

Я думала: если мой муж уйдёт, смогу ли я простить себя за то, что не удержала его?

А если останется — смогу ли я жить, зная, что простила того, кто меня предал?

Ответа не было.

Была только тишина.

И страх.

Старый, знакомый страх, от которого не спрятаться даже за крепкими стенами и фамилией на табличке у двери.

Все эти моменты пронеслись у меня в голове, как старая плёнка.

Старое чёрно-белое кино — где ты ещё ребёнок, сидишь на ковре у экрана, а на экране — твой собственный страх, только сыгранный другими.

Ты смотришь, потому что не можешь оторваться.

Ты знаешь каждую сцену.

Каждую реплику.

Ты знаешь, что будет дальше.

И всё равно — в груди сжимается, горло саднит, ладони холодеют.

Ты знаешь, чем закончится.

И ты не хочешь туда.

Ты хочешь выключить.

Но фильм идёт.

Без паузы. Без титров.

И вот — я снова в этом кино.

Только уже в главной роли.

И сценарий, кажется, пишу не я.

Мама сдалась.

Молча.

Без боя.

Я — не сдамся.

Это моя схватка. К сожалению, в большей мере, где я боюсь со своими страхами.

И если в этом фильме снова появился мужчина, который лжёт мне в глаза, если в этой клинике за моей спиной плетутся чьи-то интриги,

если даже отец, такой сильный, такой могущественный, не увидел до конца, то я должна увидеть сама.

Я должна понять, куда ведут эти ниточки.

Кто за ними стоит.

Зачем они плетут эту ложь вокруг меня.

И самое странное, самое пугающее —

что единственный человек, с которым я сейчас могу советоваться, с которым я хочу говорить, который хоть что-то знает,

— это тот самый незнакомец по телефону.

Тот, чей голос я слышала всего несколько секунд.

Тот, кто назвал мне имя, прежде чем я позволила себе поверить.

Тот, кто исчез.

Я даже не знаю, как он выглядит.

Где он.

Друг он или враг.

Зачем он вмешался.

Но только он не врал.

И это — единственное, за что сейчас можно зацепиться.

И я произношу:

– Мне нужно кое-что тебе рассказать...

Я произнесла эти слова на выдохе, потому что понимала, что для человека передо мной предательство - не повод рушить семью.

Он тогда этого не понял и возможно не поймет и сейчас.

Глава 11

Виктория

Я открыла глаза.

В моей голове внезапно прояснилось..

Как будто я в моменте включилась и теперь снова могла двигаться.

Отец все так же сидел напротив, всё с тем же выражением лица, немного приподняв бровями и все с той же рукой на столе.

Он ждал, что я заговорю.

Что признаюсь в своей слабости.

Что попрошу о помощи.

Но я вдруг поняла: нет.

Пока нет.

Пока всё, что я знаю, держится на ощущениях, обрывках, догадках и голосе человека, чьего лица я даже не видела.

Пока нет ни документов, ни записей, ни прямых доказательств.

Я не могу вывалить на отца кучу своих страхов.

Не могу подвергнуть его удару эмоций.

Несмотря на то, что когда-то он сделал то же самое со мной и с моей мамой. Я не осуждала его, не винила.

И никогда не лезла в подробности той ситуации, которая произошла с ними... с нами.

Я любила отца. Очень любила. И люблю.

И сейчас просто не могу сделать из него участника той истории, которая сейчас разворачивается.

Нет, пока не разворачивается, но скоро начнет.

Я должна быть хладнокровной.

Мои действия должны стать выверенными и очень аккуратными.

Чтобы не навредить себе, своей дочери.

Чтобы она не стала заложницей измен, как когда-то ей стала я.

Я должна защитить не только себя и ее, но и его — своего отца, его имя, репутацию, которую мы вместе создавали все эти годы.

Я сделала глубокий вдох. Чуть улыбнулась уголками губ.

И сказала:

— Пап... Я больше не хочу притворяться, что всё хорошо. Я устала, правда. Я уже несколько лет по-настоящему не отдыхала. Я хочу в отпуск. Настоящий. Без расписания, без звонков, без пациентов.

Он выдохнул.

Как будто ждал чего-то страшного, а получил нечто... ожидаемое.

— Господи, Вика... — он тряхнул головой, — Ты меня напугала. Я думал, случилось что-то серьезное.

— Так и случилось. Просто незаметно. Я давно не чувствую себя живой. И если я не остановлюсь сейчас, то просто сломаюсь.

— Конечно. Бери отпуск. Ты же знаешь, я бы дал его тебе и раньше, если бы ты хоть раз попросила. На кого ты хочешь оставить своих пациентов?

Я посмотрела ему в глаза.

— Только Пете. Только ему могу доверять. Он справится.

Пусть работает.

Раз уж у него хватало времени на тайные жизни, встречи, сообщения, прикрытие —

теперь пусть найдёт время на то, что действительно важно.

Пусть теперь он днюет и ночует в клинике.

Пусть выслушивает жалобы, консультирует, оперирует, отвечает.

Пусть хотя бы временно вернется туда, откуда начал, — к делу, а не к своим театральным постановкам.

А я...

А я найду, раскрою, разложу всё по полочкам.

Без истерик. Без слёз.

Теперь ему не выпросить у моего папочки выходной, поводов то нет.

— Уже поздно, — сказала я, поднимаясь. — Мне пора ехать. Рада была поболтать.

Отец кивнул, проводил взглядом до двери.

Но не стал останавливать.

Вышла из кабинета, плавно прикрыв за собой дверь.

Пахло дезинфекцией, кофе и усталостью моих коллег.

Обычный вечер в клинике.

Но мне вдруг стало душно.

Как будто стены теперь знали всё, что я скрываю.

Я ускорила шаг, вышла на улицу, вдохнула прохладный воздух.

Небо было чистым, прозрачным.

Оно еще не потемнело, но солнце уже утонуло за горизонтом. Как и мои надежды на долгую счастливую жизнь с мужем.

Я достала телефон.

Вызвала такси.

Пальцы слегка дрожали. От напряжения, от переутомления — или от того самого вопроса, который крутился в голове уже несколько дней:

Кто он?

Тот мужчина, что позвонил.

И теперь, после разговора с отцом, после его слов о «сюрпризах», об отмененных приемах, о растерянности Пети, я понимала, что этот звонок был не случайным.

Он был точным предупреждением.

И я больше не имела права ждать.

Молчание — становится опасным.

Открыла мессенджер.

Контакт всё ещё отображался как «неизвестный номер».

Никакого имени. Никакой фотографии.
Но можно попробовать.

Попробовать найти его в Wellgram, в VoiceApp, в поиске по номеру.

Пробить. Зацепиться.

Найти хоть что-то — даже если это ник, фото, статус, хоть что-то.
Мне нужно с ним поговорить. Снова.

Мне нужно понять, что он знает.
Почему он вмешался.
Кто он такой вообще.

Если я одна против этой лжи, то он, возможно, единственный, кто сможет сейчас понять меня.

Такси подъехало.
Я села, хлопнула дверью.

Машина тронулась.
А я смотрела на экран телефона.
И знала, что совсем скоро что-то надломится. Скоро что-то произойдет.

Глава 12

Виктория

Я сидела в такси, уставившись в мокрое стекло.

Город за окном скользил размытыми пятнами — огни, силуэты, вывески. Всё было мимо.

Меня не было внутри этой жизни.

Я будто наблюдала её из аквариума, закрытого изнутри.

Водитель что-то говорил по телефону — о пробке, о погоде. Я не слышала.

Слышала только свои мысли.

Точнее — их рваный, панический шум.

Те искрометные фразы незнакомца на том конце трубки снова и снова всплывали в моем сознании, вызывая все новые эмоции.

"Она не та, за кого себя выдаёт. Он уже далеко зашёл."

Я не знала, кто он.

Но знала, что он знает.

Знает намного больше, чем я.

И теперь я металась внутри себя, разрываясь между отчаянием и жадой контроля.

Как мне его найти? Как снова услышать? Как заставить его говорить — до конца, без недомолвок?

Может, через оператора? Но он ведь звонил с «неизвестного» — таких не находят.

Может, установить приложение, чтобы отслеживать, если он наберёт вновь?

Может, попросить у знакомого из службы безопасности, того, что работал у папы, выяснить по базе входящих звонков?

Нет. Нет. Это всё слишком медленно. Мне нужно сейчас.

Я прокручивала возможные вопросы, которые бы задала, если бы вновь с ним связалась.

"Кто вы?"

"Вы знаете Петю лично?"

"Вы друг или враг?"

Но всё это казалось глупым. Я никогда не играла в детектива и заниматься этим сейчас, скорее всего, гиблое дело.

Не хочу спрашивать.

Хочу знать.

Хочу, чтобы он сам заговорил.

Чтобы выложил всё — не жалея.

Потому что я больше не хочу быть той, кому дозируют правду по капле, как больному морфий.

Подняла телефон. Открыла историю звонков.

Пусто.

А что, если он не позвонит больше?

Что, если это был единственный шанс?

И всё же — где-то в глубине — теплилась надежда, почти детская: он позвонит снова.

Может, ночью. Может, когда я уже буду не готова.

А я должна быть готова.

В любой момент. Услышать то, от чего мне станет по-настоящему больно.

И, может быть...

Может быть, всё ещё не так страшно?

Может быть, эта Алина — мимолетная интрига.

Флирт. Лёгкая, неоформленная тяга к молодости.

Может быть, он не переступил ту самую черту.

Может быть, я всё ещё жена. А не вдова при живом муже.

Я даже на миг представила, как он смотрит на меня с болью и искренностью. Говорит: "Вика, прости. Я заблудился. Я идиот. Я не знаю, зачем. Я люблю только тебя."

Вчера он почти коснулся меня как прежде.

Я почти поверила.

Почти позволила. Почти поддалась своему телу, чтобы снова почувствовать тепло его прикосновения и, возможно, хоть на полчаса, вспомнить, что я желанная женщина.

Тяжело думать о таком, тем более, будучи в расцвете сил, с ухоженной внешностью и переполненным желанием.

Может, это кризис. Как там бывает у людей, которые вместе слишком долго. Хочется разнообразия, просто получить комплимент или простое подтверждение того, что ты все еще "ничего". Но обычно такое нужно женщинам, а не мужчинам.

Хотя...

Может, это не измена.

Может, я преувеличиваю. Может...

Глупое, самое глупое на свете стечение обстоятельств или дурацкий развод. Несмешная шутка.

Телефон в руке внезапно зазвонил, вернув меня в реальность этого серого, унылого дня.

Кристина.

Я слегка встрепенулась, выпрямила спину и на мгновение задержала дыхание.

Быстро нажала на кнопку ответа, но связь установилась не сразу.

У нее должны были быть занятия в это время. Что там стряслось?

— Крис? Ты где?

Пару секунд паузы. Тревожные мысли. Ком в горле и руки, которые в мгновение замерзли.

— Мам...

Пауза.

— У нас отменили последние пары... я вернулась раньше...

У меня сжалось всё внутри.

— Ты дома?

— Да. Я... — протянулся тихий, едва слышный всхлип. — Я поднялась наверх. Думала, тебя нет. Хотела переодеться. Я шла к себе и услышала звуки из вашей спальни...

Сердце сжалось.

Мир за окном исчез.

— Какие звуки, Крис?

— Он...

Снова всхлип.

— Тут папа с другой женщиной. В вашей спальне, мам. Вдвоем.

От автора

За все свои ошибки придется заплатить. И очень скоро.

Дорогие читатели, готовлю завтра для вас «День прод». В течение дня книга будет пополняться 3-4 раза.

Яркие эмоции. Скандалы, интриги и расследования!

Как так выходит, что предатели остаются безнаказанными?

Как реагировать, когда видишь своего мужа в постеле с другой?

Как измена папы сказывается на ребенке?

Вопросы, на который наша героиня ответит самым дерзким образом!

Уже завтра!

А пока...

Маленький спойлер картинками♥#

Поддержите автора лайками и комментариями, буду очень ждать ваших предположений!
Кто же такая Алина? И что ей нужно.

Обнимаю, ваша Алена!

Глава 13

Дорогие читатели, рада приветствовать вас в продолжении!

Приятного чтения!

Виктория

— Тут папа с другой женщиной. В вашей спальне, мам. Вдвоем.

— Папа. Он был там. С какой-то женщиной. Я слышала... всё.

В животе все резко опустилось, словно летишь вниз на американской горки.

— Ты уверена?

Пауза.

— Они... были...?

— Да, мама.

— Я стояла за дверью. Я слышала, как он называл её по имени. Как они... занимались...этим.

— Это была ваша кровать.

— Я просто... не могла поверить.

— Мне кажется они даже не заметили меня.

— Я убежала.

Я не дышала.

Такси свернуло на нашу улицу.

Но я уже не слышала ни водителя, ни музыки, ни сигналов машин.

Я слышала только пульс в ушах. Он усиливался с каждой следующей секундой.

— Ты где сейчас? — собравшись с силами я спросилаа.

— Внизу. Сажу на лавке. Я не могу зайти обратно.

— Я... меня трясет.

— Хорошо.

Сиди там.

Я уже рядом.

Скоро буду.

Подожди там меня...когда приеду, слышишь?

— Мама...

— Всё, малыш. Я еду.

Я отключила звонок.

И не закричала.

Не заплакала.

Я просто... задеревенела.

Он перешел черту.

Даже не в моих глазах.

В глазах нашей дочери.

Он не просто предал — он испачкал всё святое.

Дом. Кровать. Семью.

Мою Кристину.

Он оставил в ней шрам, ко

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.